

**Рамиль
Гарифуллин**

КАЗАНЬ — НОСТАЛЬЖИ

Рассказы

Для желающих Возвращения... к Себе...

Рамиль Рамзиевич Гарифуллин

Казань – ностальжи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42193900

*Гарифуллин, Р. Р. Казань – ностальжи: Татарское книжное
издательство; Казань; 20118
ISBN 978-5-298-03571-2*

Аннотация

Если вы желаете окунуться в прошлое своего родного города и дворика, в мир приятных и порой забытых воспоминаний, то эта книга для вас. Читая её, вы будете погружаться в умиротворение, сохраняющее вас от давления суеты, проблем, а порой и страданий настоящего.

Содержание

Вместо введения	6
Тайны моего дворика	8
Как я с дядей Мишей рассвет встречал...	8
Мы идём купаться на «Локомотив»	13
Самое лучшее небо...	17
Коржик в стране труда	20
Жить под бой курантов Казанской Спасской башни...	23
Лошадь Бурка в царстве вина	25
Мой дворик	30
Как я оказался в доме Заусайлова	34
Дядя Миша и тётя Роза	36
Человек сахарного песка	39
Тётя Верба	42
Рыбаки Бакуркины	44
Как над Спасской башней летал змей	47
Одинокие старушки моего двора	51
Деревянные сараи дворов нашего детства	53
Старьёвщик на лошади с телегой приехал!..	55
Наша дворовая собака Альма	58
Под одеялом лета	61
Можно к вам на телевизор?	64
Казанские короли деревянных самокатов	67

У окна	69
О том, как Снежная королева посещала мой дворик	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Рамиль Гарифуллин

Казань – ностальжи

(рассказы)

© Татарское книжное издательство, 2018

© Гарифуллин Р. Р., 2018

* * *

Вместо введения

Все мои рассказы о прошлой Казани пишутся на основании приятных воспоминаний, которые «преследуют» меня всю жизнь. Они всегда со мной, как некая моя внутренняя душевная опора. Не могу себе представить свою жизнь без этой опоры, наполненной атмосферой Казани моего детства. Когда я погружаюсь в этот Мир, то ко мне приходит некое трудновыразимое умиротворение. Это погружение со мной случается в течение дня. Первое погружение бывает ранним утром. Я быстренько срисовываю эти образы-воспоминания с помощью Карандаша Слов, и рассказ готов! Переход от воспоминаний к самовыражению не менее интересный процесс, чем само воспоминание. Это даже некая страсть, благодаря которой я писал рассказы. Когда рассказ заканчивался, то у меня часто проступали слёзы от некоего очищения и удовольствия! При самовыражении всегда может произойти Открытие, то есть появиться нечто забытое, нечто такое, чего не было в воспоминании. Это волнительно, так как не знаешь, что выбросит тебе твоё подсознание, а по сути, моё сердце, которое находится в условиях самовыражения. Но это приятное волнение! Волнение, как ожидание открытия себя самого и Мира Прошлого, который связан с моим родным и любимым городом Казанью... И так хочется, чтобы читатель почувствовал то, что я сам чувствовал, когда писал

эти рассказы. Дорогой мой читатель, желаю Вам это почувствовать!

С уважением, автор

Тайны моего дворика

Как я с дядей Мишей рассвет встречал...

Весь наш коридор коммуналки знал, что дядя Миша ежедневно ходит рассвет встречать. Причём ходил он на свои свидания с солнцем круглый год. Мне удавалось застать его идущим смотреть рассвет только зимой. В зимнюю, утреннюю темноту не хотелось идти в детский сад, но дядя Миша подбадривал меня, дескать, потерпи немного, ведь скоро рассвет! Он всегда звал меня с собой, убеждая мою маму или апамку¹, что детский сад никуда не денется. Дядя Миша говорил, что мы не должны ждать лета, так как в это время года придётся вставать очень рано, а зимой можно и на рассвет посмотреть, и на работу с детским садом успеть. Это было первым моим интересом к рассвету, как к некоей большой ценности. Но понимать мало, важно чувствовать! И поэтому я мечтал, что всё-таки в какой-нибудь из дней пойду с дядей Мишей. К тому же утреннее солнышко я уже любил, но любви к тому, как оно является к людям из тьмы, у меня тогда ещё не было.

¹ *Апамка, апа* (тат.) – обращение к старшей сестре, тёте.

Дядя Миша выходил один из парадки и шёл в направлении Спасской башни Казанского Кремля, чтобы подняться к её основанию. Иногда я заставлял его в коридоре после возвращения со свидания с солнышком. Он спокойно и с неким наслаждением рассказывал, как сегодня встретил рассвет, как первым явился на это «любовное» свидание и с трепетом ждал появления своей «избранницы», и в какое-то мгновение она появилась! Рассказывал он это уходящим на работу соседям, но чаще тётке Вере, которая жарила что-то для завтрака. Договорить ему всегда мешала его жена тётя Роза. Она громко и ревниво ворчала о чём-то на иврите. И наш утренний романтик дядя Миша уходил под конвоем к себе домой. Он не рассказывал о рассвете только дяде Ване, который страдальчески дрожал от утреннего похмелья, переночевав у своих дверей.

Потом я выходил с мамой на остановку 1-го троллейбуса и заглядывал в окно дяди Миши. Видел, как он грустно сидит в своей каморке, выслушивая ругань тётки Розы. Он обнаруживал меня в окне и подмигивал мне с намёком на то, что на рассвет всё-таки нужно ходить! За этой немой сценой двух пенсионеров долго наблюдать не приходилось, так как троллейбус приезжал быстро.

Только в зимние бураны дядя Миша не ходил смотреть на рассвет. «Закрыли в темнице мою невесту, но свет идёт от неё и излучается, и день начинается...» – выговаривал он тётке Вере.

Когда в моём детском саду был объявлен карантин, то я понял, что мне наконец-то удастся увидеть рассвет с дядей Мишей. Тем более бураны закончились и наступили солнечные безветренные деньки. Уже вечером я предупредил дядю Мишу о том, что обязательно пойду с ним. Он сильно и искренне этому обрадовался! А я обрадовался тому, что он за меня обрадовался! Так радоваться за меня могли только мама и папа... а теперь и дядя Миша...

Предвкушение встречи с рассветом прибавило моему сну приятной тревоги. Поэтому я встал без мучений от желания поспать. Дядя Миша уже стоял в коридоре. Увидев меня, он сказал, что солнце уже взошло, а я всё сплю! Я огорчился. Оказывается, это была шутка!

По дороге дядя Миша говорил мне о том, что важно приходить первыми на место свидания с солнцем, что пусть солнце опаздывает, но не мы. Ведь если мы опоздаем, то не увидим важного момента рассвета – появления первых его лучей.

Мы не опоздали. Даже ещё сумерек не было. Был некий остаток уходящей ночи. Дядя Миша первым заметил своим зорким глазом, что ночь чуточку просветлилась. Я за ним! День ещё не пришёл из-за горизонта, но что-то от него пришло. Ещё нет того, что должно прийти, но весточка от него уже пришла. В эти секунды я гордился, что никто этим утром в Казани ещё не заглядывал за горизонт, а мы с дядей Мишей заглянули. Мы первыми почувствовали то, что должно

прийти. Мы опередили всех! Мы уже знаем и чувствуем то, что ещё не явлено! Эта пограничная зона Казани, в которой мы оказались, была незабываема! Ощущение её я всю жизнь носил в себе! Эта прекрасная предутренняя сумеречная Казань, рвущаяся в день. Контуры и цвета окраин Казани медленно и постепенно открывались. Я заметил, как забелела Казанка. Просыпались улицы Большая Красная и Карла Маркса. Кто-то вырисовывал контуры рождающейся Казани. Кто это? Уж не тот ли гость, которого мы ждём с дядей Мишей?

Светлеющий воздух всё больше и больше приобретал некую сжатую упругость, и я предчувствовал, что эта пружина сумеречной Казани вот-вот выстрелит Первым Лучом Солнца! Энергия этого света всё больше и больше накапливалась, чтобы наконец-то вырваться к нам! Я тоже, как этот сумеречный, светлеющий воздух, стоял в некоем приятном напряжении. Ну! Когда же произойдёт первый выстрел луча и пронзит мой город своей огненной стрелой?! Я посматривал на дядю Мишу, а он мне в ответ говорил: «Не отвлекайся!»

Напряжение нарастало. И в тот момент, когда оно достигло своего максимума, наконец-то вырвался первый тонкий луч света!!! Резко вырвался! Дядя Миша громко выдохнул. На его глазах я увидел слёзы радости. Мне впервые хотелось кричать от счастья! И я крикнул! Дядя Миша тоже крикнул! «Ура!» – кричали мы, находясь у подножия Спасской башни.

Потом была лавина лучей, но первый луч был светлее их
вместе взятых...

Мы идём купаться на «Локомотив»

Суета, связанная с предстоящим походом на пляж, медленно вползала в мой дворик. Это была самая любимая суета моего детства! Утреннее летнее солнце постепенно выгоняло жителей моего дворика на различные казанские пляжи. У себя дома оставались только пожилые. Я выходил на парадку и вглядывался вдаль улицы Чернышевского, которая заканчивалась лестницей, идущей сначала в небеса и уже потом на пляж «Локомотив». По этой улице шли вереницы казанцев, жаждущих искупаться на казанской Волге.

«Нужно быстрее идти купаться, а то на пляже не останется места!» – говорил я себе и возвращался в свой дворик, чтобы дожждаться друзей, которые почему-то застряли и не выходят. Я знал, что Вовка сейчас уже позавтракал и накачивает большую чёрную шину, которую ему папа-шофёр принёс с работы. Купаться с этой шиной интереснее, хотя у меня самого в руках сиреневый плавательный круг. Поэтому Вовку нужно дожждаться. Серёжке как всегда не могут найти плавок. Его бабуля везде перерыла, но не нашла! Серёжка ругает бабулю, дескать, она умышленно куда-то спрятала плавки, чтобы он не пошёл купаться, чтобы не нервировать бабулю. Но я знаю, что плавки найдутся! Сашка уже готов к походу на пляж и в любое время может пойти с нами, но пока делает круги по двору на своём синем велосипеде «Школьник». Толстый

Юрка тоже пойдёт с нами. Именно он первый позвал меня купаться, но сейчас он стоит у своего сарая и помогает отцу распутывать леску на удочке. Его отец только что вернулся с утренней рыбалки. Он подбадривает нас. Говорит, что вода как парное молоко. Вышла девочка Ирина, которая приехала погостить из другого города. В руках у неё белоснежный надувной лебедь. Она сама похожа на него! Белокурая и в белом ангельском платье с крыльями. Эти два лебедя тоже пойдут с нами купаться. С нами пойдёт и Генка, который намного старше нас всех. Он примкнёт к нам как всегда в последнюю очередь.

Вся наша компания собирается на лавочке доминошного столика, и мы радуемся, что постепенно увеличиваемся в своём числе. И вот вся орава детей нашего двора медленно бежит по Чернышевского за большой, катящейся по асфальту Вовкиной шиной. Мы все по очереди запрыгиваем на эту шину, и она каким-то волшебным образом поднимает нас от земли, а потом спускает обратно! Нашей радости нет предела! В этом счастье движения за Вовкиной шиной и ожидания купания мы пролетаем всю улицу Чернышевского! Вовка как главный дирижёр и режиссёр этого счастья поёт «У самого синего моря...» – песню из кино, под которую плавали на таких же шинах ташкентские мальчишки – герои фильма. Мы подпеваем ему. Счастье предвкушения волжской воды и радости от нашей необыкновенной компании, летающей по очереди на шине, настолько опьянило нас, что

нам показалось, будто у нас на спине выросли крылья и благодаря им мы быстро взлетели на мост, из-под которого повеяло приятным запахом железной дороги. Поезда, о которых раньше мечталось, в эти секунды не привлекали. Волга и её дальние берега, появившиеся перед нашим взором, затмили мечты покататься в жарком поезде. Присмотрелись получше и увидели гигантский человеёник, рассыпанный по песчаному берегу Волги. И мы должны были как-то влиться в него! Казалось, что там для нас нет места, но это нас ещё больше обрадовало!

Идём дальше. Вот мост, под которым Волга. Волга под нашими ногами. Высота этого моста над водой значительная! Вниз смотреть страшно! Мы не заметили, как Генка быстро разделся, отдал свою одежду Юрке и полетел вниз! Нырнул! Смотрим вниз, а он не выныривает. Оказывается, он уже вынырнул с другой стороны моста. Разыграл нас! Мы в восторге! Генка счастливый. Кричит нам о счастье воды!

Найти место на горячем песке для всей «шайки» детей нашего двора не так-то просто! Где же разложиться?! Ведь купаться так сильно хочется! С воды доносится визг и шум от восторга купания. Идём вдоль берега. Впереди всех нас катится Вовкина шина. Вода заманивает своим приятным холодом и прозрачностью. Зовёт своим обаятельным плеском. Поэтому терпеть уже нет сил! Ура! Наконец-то место найдено! И мы бежим в воду! Купаемся, но не можем накупаться! Вовкина шина популярна! Все дети вокруг неё. Залезаем на

неё и прыгаем! Вовка опять в восторге от того, что является «виновником» этого коллективного счастья на воде! Нам совершенно не холодно! Купаемся до посинения губ! Наконец мы уставшие падаем на горячий песок и впиваемся в него ладонями! Сердца наши бьются так сильно, что песок под нами дрожит! От радости несём всякую очаровательную чушь. Беспричинно смеёмся. Посматриваем на солнышко, проверяя на месте ли оно. Долго ли ещё продлится это счастье?! И опять в воду!

Уже позднее, когда у нас у всех включатся урчащие будильники, которые всё труднее и труднее будет уговорить прижиманием к горячему песку, радость от купания начнёт угасать и перейдёт в другую радость – наслаждение от восприятия моего любимого города и двора. Ведь после купания у нас всегда души и глаза открывались настолько, что мы как никогда радовались тому, что родились именно в Казани!..

Самое лучшее небо...

А ещё в моём дворике находилось... небо! И поэтому моя одноклассница Танзиля мне завидовала. Ведь в её дворе небо почти отсутствовало. В нём было темно и сыро. Поэтому она часто приходила за небом в мой дворик. Ведь без неба трудно! Без неба жить – хуже любого наказания! Небо моего дворика радовало не только своим светом и цветом, но и тем, что по нему всегда что-то летало: облака, самолёты, птицы... Насмотревшись на небо, Танзиля уходила к себе во двор. Мне всегда было жалко, что у неё во дворе нет неба. Поэтому я часто приглашал её к себе во двор посмотреть на небо и побыть под ним. Ведь мало смотреть на небо, нужно ещё под ним быть! Танзиля мечтала увидеть и ночное небо, но ей это не удавалось, и мне приходилось ей рассказывать, какое оно звёздное, бесконечное, бездонное... И так хотелось, чтобы она его увидела! Никогда не забуду того момента, когда она вбежала в мой двор и с радостью рассказала мне о том, как увидела ночное небо в деревне, как падают и летают звёзды! Я так радовался за неё! Ведь даже я этого не видел. У нас с Танзилей было много общего. Мы учились в одном классе, жили в одном городе и на одной улице, но самое главное, общим у нас было... небо!

Когда по небу летала стая белых голубей, то я догадывался, что их запускают люди с других дворов. Мне всегда хо-

телось найти этот двор, найти этих всемогущих людей... Я вглядывался во дворы, но ничего не обнаруживал. Я просто не знал, что именно нужно искать. А нужно было искать голубятни. То есть большие, высоко приподнятые над землёй деревянные ящики с дверцей и примыкающие к ним наклонные деревянные трапеции. Таких голубятен оказалось немало! Я видел их на Островского, на Булаке, на Кирова. Их было много у Казанки. Поэтому над Казанью пролетали разные стаи белых голубей. Но мне раньше казалось, что они от одного владельца голубей. А их было много!

Одного такого голубятника я нашёл на Булаке. Звали его Витькой. Я пришёл к нему вместе с Танзилёй, чтобы посмотреть на то, как запускают в небо голубей. Для меня было загадкой возвращение голубей обратно в свою клетку. Я ещё переживал за Витьку, дескать, вдруг его голуби не вернуться на Булак, а сядут на другую голубятню на Казанке. А Витька говорил, что его голуби умные и любят только его и показывал то, как они любят, как изо рта принимают его слюни и еду. Затем Витька брал белого голубя в руки, резко кидал его двумя руками в небо и пронзительно свистел и хлопал ладонями, накачивая воздух энергией для полёта голубя. Мне казалось, что Витька вот-вот сам взлетит. И действительно, глаза его во время свиста были беспредельно блаженные! Мне с Танзилёй хотелось так же свистеть, но мы не умели и просто кричали на весь двор и хлопали! Витька брал очень длинную палку и махал по небу! И вот уже последний

голубь запущен! И эту стаю летящих высоко по кругу голубей видит вся Казань! А кто автор этого зрелища? Витька – автор!

Потом голуби возвращались. Сиделись на трапецию и медленно заходили обратно в клетку! И мы с Танзилёй ещё долго смотрели на них и не верили, что совсем недавно они были высоко в казанском небе – самом лучшем небе на земле!

Коржик в стране труда

Я любил подолгу смотреть на то, как взрослые работают. Делал обход по своему дворику на Баумана, 36. Сначала стоял у слесарки. Помню, как обыкновенные доски, которые ещё только вчера валялись у дверей и мы с ними играли, вдруг начинали превращаться в нечто! Один дядя без трёх пальцев искусно мастерил продолговатый ящик, который оказался гробом. Потом он его почему-то разобрал, а доски оставил во дворе, но мы уже с этими досками не захотели играть.

Потом я шёл смотреть через окно на портных. Они шили пальто и костюмы. Мы выпрашивали у них кусочки мела и ели их. Потом шёл к окнам обувщиков. Из цеха веяло запахом резинового клея. Я долго наблюдал, как на деревянные колодки-стопы набивалась и нашивалась кожа. Заглядывал в окна бухгалтеров, которые щёлкали деревянными костяшками. Потом шёл к автослесарям в гараж.

Через некоторое время я всё чаще и чаще начал покидать свой дворик. Ведь дворов на Баумана, Чернышевского, Булаке, Профсоюзной, Кирова, Ленина было много. И было так много больших окон, из которых я видел труд взрослых! Вот она пропаганда труда! Сейчас этого нет! Потому что труда стало мало!

Помню, как на улице Свердлова наблюдал за тем, как де-

лают тубы для чертежей. И многие казанские студенты ходили с этими тубами.

Как-то забрёл во двор свежеиспечённого детского кафе «Экият» («Сказка») и с восторгом наблюдал, как формируются пирожные, коржики, кексы, ром-бабы и торты! Не заметил, как пролетел целый час! Гляжу в окно, упираясь носом в стекло. Грустно гляжу, но с восторгом! Из окна веет ароматами шедевров всего мучного! Хоть что-нибудь попробовать бы! Ну хоть вон тот коржик, который на алюминиевом подносе! Тем более их там так много! Женщина-повар не замечает меня, выдавливая из мешочка масло, которое каким-то чудом превращается в цветочки пирожного-корзинки! Она увлечена, но вдруг на какое-то мгновение проводит взглядом и видит меня. Видит мои грустные глаза. Возникает пауза. Думаю, сейчас прогонит! И вдруг повар берёт тот самый коржик и несёт его мне... к окну! Передаёт его мне через форточку! Ура! Коржик не простой! Он медовый! И такой большой! Издали казался маленьким! Я говорю спасибо и с радостью бегу к себе во двор! По пути кушаю и разглядываю коржик, кушаю и разглядываю...

И вот я во дворе. Дал куснуть коржик всем своим пятерым друзьям по двору, которые играли в классики. Все они тоже захотели по целому коржику и заставили меня, чтобы я повёл их к этому окну с доброй тётенькой-поваром. Я сопротивлялся, дескать, неудобно же! Бесплезно! Пустые желудки пацанов победили! Мы всей оравой пошли по Баума-

на во двор кафе «Экият».

Повар занималась своим волшебством по выращиванию розовых цветочков на тортах. Это продолжалось минут десять. Затем она повернула голову в сторону окна и обнаружила в нём... двенадцать грустных глаз! Опять пауза... Мы молчим... Я не выдерживаю и ухожу от окна... ухожу к себе во двор. Жду ребят. Ребята возвратились грустные и без медовых коржиков...

Жить под бой курантов Казанской Спасской башни...

Звук боя курантов Спасской башни иногда доносился до моего дворика на Баумана, 36. Вы спросите: почему иногда? Нет, это не связано с ветром, который мог сдуть бой курантов в другую сторону. Это не связано и с шумом города... Это было связано со мной. Как-то увлекаешься во дворе иными звуками. Ну, например, лошадьё, которая цокает копытами, развозя вино из подвалов винного подземного склада. Или доминошниками, которые как-то смачно бьют костяшками по металлической поверхности стола. Или доносящимся из чьей-то квартиры пением Марка Бернеса: «Вот уж окна зажглись, я шагаю с работы устало... я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». И вообще, во дворе всегда царил некий жизнеутверждающий шум из доносящихся с разных сторон дворика разговоров соседей и сидящих на лавке бабушек.

Бой курантов хорошо был слышен ранним утром. Бывало, проснёшься в воскресенье от радости того, что не нужно идти в детский сад. (В обыденные дни просыпался тяжело!) В квартире тень, темно, все храпят, и хочется куда-то на свет, к небу, к солнцу... Выйдешь в прохладный, ещё не согревшийся от солнца тихий дворик, сядешь на бревно, что у забора тёти Клавы. Сидишь, греешься на солнце... и ждёшь боя

курантов. Вот оно счастье ожидания! Иногда боя так долго нет, что начинаешь тревожиться. А вдруг куранты Спасской башни отключили или отменили?! И вдруг слышишь первый звон! Как-то выходишь из полусна от согревшего тебя солнышка! Оживаешь! Считаешь. Один, два, три, четыре, пять, шесть... В часах я тогда не разбирался, но считать уже умел. Позднее, познав стрелки часов жизни, до меня дошло, что я просыпался и выходил во двор раньше шести часов утра! Сидел и наблюдал, как просыпается двор. Один раз донаблюдался до того, что увидел своих соседей, мальчишек и девчонок, выходящих с большими букетами цветов. Это было утро Первого сентября 1967 года, и до школы мне было ещё два года. Позавидовал школьникам!

Через год произошло открытие! Оказывается, если подняться на террасу нашего двора, под которой находился цех обувной фабрики, то оттуда виден купол Спасской башни! И так близко виден! А ещё лучше он был виден из окна подъезда дома напротив! Теперь я вечерами смотрел, слушал, любовался Спасской башней. Никогда не забуду своё последнее, прощальное любование этой башней. Это был последний вечер общения с ней, так как утром следующего дня мы переехали на новую квартиру...

Лошадь Бурка в царстве вина

Лошадь Бурка, запряжённая в телегу с резиновыми покрывками из-под «Москвича», с зашоренными глазами стояла у моей парадки со стороны улицы Чернышевского. Я знал, что под шорами спрятаны её красивые и грустные глаза. Она была грустная даже тогда, когда её кормили из мешочка, надетого на её мордочку аж по самые глаза.

В мешочке был овёс, но глаза Бурки всё равно были грустными. Мне тогда казалось, что глаза этой лошади зашоривали после трапезы для того, чтобы прохожие не видели их грусти, чтобы лишний раз не вгонять пешеходов в депрессию. Оказалось не так! Просто Бурке не позволено было много видеть! Меньше видишь – легче живёшь! И смиреннее стоишь! Смиреннее, но с грустными глазами! А что ей радоваться-то? Что ли, шинам и подшипникам от «Москвича», которые улучшили ход тележки, в которую она запряжена? Ведь теперь её тележка стала культурнее, по сравнению с теми тележками, которые колесят где-то за городом на деревянных колёсах, вращающихся на одном гвозде, которому всегда не хватает масла, и поэтому вся Земля громко скрипит! Причём громче, чем от вращения вокруг своей оси! А может, Бурке нужно было радоваться от того, что она подкована хорошиими подковами, которые издают прекрасное, ласкающее слух цокание?! Нет уж! Это нам, людям, от этого больше радости,

а не грустной лошади!

Позднее глаза Бурке стали зашоривать и тогда, когда она жевала овёс. Жевать овёс с закрытыми глазами скучно! Я сам, например, всегда любил кушать на подоконнике, глядя в окно.

И всё-таки глаза у Бурки оживали тогда, когда мы, мальчишки, подходили к ней с горячей буханкой ржаного хлеба, купленной в булочной на Баумана, расположенной в здании гостиницы «Казань». Мы обычно покупали две буханки. Одну буханку съедали по пути к лошади. От горячей, хрустящей и мягкой корочки хлеба трудно было отказаться! Тем более тогда, когда у моего друга Серёжки всегда в кармане водилась долька чеснока, припасённая для четвертиночки хлеба, которую мы часто уминали, когда возвращались голодными с купания.

Мы подходили с горячей буханкой ржаного хлеба, и Бурка начинала сразу же цокать копытами. Ела она мощно, радуясь нашему вниманию к ней. Звук уходящей в Бурку буханки, попавшей под мощный пресс её зубов, нас радовал настолько, что нам, мальчишкам, хотелось опять бежать за буханкой, но денег у нас уже не было.

А вот хозяин Бурки Тагир-абый был всегда весёлый и красный. Он пахнул вином, которое грузилось из винного склада, располагавшегося в подвале под улицей Чернышевского. Из бункера винных казанских катакомб веяло ароматным коктейлем, состоящим из запаха вина и плесени. Бур-

ку нагружали деревянными ящиками, набитыми зелёными бутылками с вином! Ящики выкладывали стройными рядами до высоты, намного превосходящей рост самой Бурки настолько, что, казалось, она не сможет сдвинуться с места! Но Тагир-абый давал команду, и лошадь начинала свой ход. Эта команда не была традиционным «но», это был ядрёный мат на татарском языке! В этом мате больше была некая волшебная энергия мужика-татарина, а не сами слова. Ведь мат без энергии теряет свою суть и предназначение. Бурка, по-видимому, больше всего на свете ненавидела этот гнусно-магический звук, после которого нужно было развозить тонны вина в различные казанские магазины.

И всё-таки ей удавалось иногда протестовать и даже побеждать Тагира-абый, то есть не подчиняться его энергии мата. Помню, как он традиционно дал команду на движение, а она не шелохнулась! Он повторил команду ещё громче! Бесплезно! Возникла пауза и некая тишина... Мы стояли в ожидании того, что же будет дальше?! Тишину нарушил сип выделяющегося газа! Он шёл из-под хвоста Бурки! Хвост, из которого можно было сделать сотни смычков для скрипок, которые могли бы участвовать в самом многочисленном симфоническом оркестре, в данный момент ограничился тем, что решил участвовать в сольной партии и поэтому стал медленно подниматься! На всю улицу Чернышевского зазвучала сольная партия задней части Бурки. Это был своеобразный оперно-музыкальный ответ лошади на мат Таги-

ра-абый! А какой ещё оценки заслуживает мат в адрес безобидного и безгрешного животного?! Бурка оценила вдобавок и чистый асфальт. Тагир-абый от безысходности ещё громче кричал матом, но потом сдался и затих. Мы, мальчишки, ликовали от победы Бурки над Тагиром-абый! Это была временная победа, но она показала, что у лошади тоже есть своя честь. Пусть лошадиная, но честь! Ведь я видел в деревне лошадей без чести, то есть справляющих свою нужду на ходу. Поэтому я ещё больше стал гордиться Буркой!

Бурка ушла с Тагиром-абый в город, а мы остались у открытого зева, уходящего в подземное царство вина. Никого из взрослых рядом не было, и мы решили набраться смелости и спуститься в этот подвал. И вот мы медленно покатались по вращающимся цилиндрическим трубочкам, по которым только недавно вверх катились ящики с вином. Оказались на дне подвала. Огляделись. Перед нами был подземный город. Было много свободного пространства, в котором располагались стены из уложенных бутылок. Кроме того, стояли бочки, выстроенные в длинные ряды. Освещение было слабым, но мы разглядели, что этот подземный город далеко уходит в направлениях улиц Чернышевского и Баумана. Вдруг мы услышали резкий звук сверху и поняли, что нас закрыли! Свет выключился. Мы сильно испугались и начали кричать. Бесполезно! Темнота перестала давить, и мы увидели вдали свет. Медленно, прощупывая руками и ногами пол и стену, подошли к дыре на потолке, из которой было

видно небо. Нам стало комфортнее. Так просидели под этим кусочком неба несколько часов. Разговаривали и мечтали о том, что будем делать, когда выберемся из этого подземелья. Всё-таки нам удалось дождаться, и мы услышали звук открывания. Стало светлее. Мы побежали к месту, откуда спустились в подвал. Тагир-абый кричал на нас матом, причём тем же самым, которым недавно покрывал Бурку. Но это нас только обрадовало! Мы опять увидели Бурку. Она тоже обрадовалась встрече с нами. Её глаза не были грустными... А может, нам так показалось от радости выхода на свет?

Мой дворик

Я горжусь тем, что родился и жил в своём раннем детстве на центральной, старой части города Казани. Мой родной дворик находится по адресу: улица Баумана, 36 или Чернышевского, 12. Вот такой угловой дом, в котором я родился. Вход в мой дворик через арку по улице Чернышевского. Я закрываю глаза и уже там...

Мой дворик, где я живу, самый лучший дворик в мире потому, что я его люблю. Он мне нравится всегда, но особенно в яркую солнечную погоду. Он маленький, но в нём есть всё для нас, мальчишек. Вот я выхожу на улицу, справа от моей двери под забором есть местечко, куда я иногда сажусь ранним утром, когда ещё прохладно, и согреваюсь. О нём я ещё расскажу... А вот крутая деревянная лестница. Это необычное скрипучее и старое крыльцо, на котором мы с ребятами часто сидим и просто болтаем, а взрослые часто через нас просто перешагивают. В нашем дворе есть столярка, откуда целый день доносятся разные звуки, но мы к ним уже привыкли. Я люблю наблюдать за тем, как работает один дядя, распиливая и забивая деревяшки. Мне нравится запах, которым наполнена его мастерская. Я наблюдаю за его правой рукой без трёх пальцев и удивляюсь тому, как он умудряется быстро и ловко забивать гвозди.

Рядом со столяркой есть лавка, на которой часто сидят дя-

ди из ателье «Руслан» и курят. Они шьют костюмы и брюки, а на лавке сидят во время перекура. Я с большим любопытством подслушиваю их разговоры. Особенно мне нравится, когда они рассказывают анекдоты. Слово «анекдот» я услышал впервые от них, от одного большого мальчика-подростка, который, видимо, был учеником этого ателье. Мы, мальчишки, ему завидовали потому, что он был таким маленьким, как мы, но курил и работал наравне со взрослыми. Первый анекдот я услышал от него. Этот анекдот был о лисе и зайце и заканчивался словами: «Как в тропическом лесу заяц обманул лису». Помню только, что я его не понял, но смеялся вместе со всеми.

Я с мальчишками часто забираюсь на крышу винного склада. Забираемся мы туда не только для того, чтобы посмотреть, как и где хранится вино, но и для того, чтобы испытать восторг от страха, когда нас гонит пьяный охранник, который, видимо, уже напился этого вина. И вообще, с этой крыши наш дворик видится как-то по-другому.

В моём дворе есть цех, где шьют обувь. Окна обувной фабрики выходят прямо к нам во двор, и мы, мальчишки, часто стоим под этими окнами и наблюдаем, как сапожным ножом срезается лишняя резина, как накладывается клей на подошву. Видим различные деревянные ноги, которые называются колодками.

Сейчас я иду по своему любимому солнечному дворику. Жара. Жара плывёт. Какая-то жаркая тишина. Всё как-то

слышится по-летнему: журчит вода в уличной колонке, соседка полощет бельё в большом тазу. Дядя Ваня пьяный, красный сидит на солнце, разложив свои костыли, и медитирует. Улыбка на его лице поднимает настроение всем во дворе. Все радуются улыбающемуся солнцу. Доминошники молчат от жары, выжидая кого-то, чтобы пойти купаться на «Локомотив». Так называется пляж на Волге, который находится рядом с вокзалом. Во дворе рай. Всё как во сне, радостно и замедленно, все добрые. Швейники на перекуре болтают и смеются, не хотят работать. Работать не хочется. Хочется просто сидеть на солнце, созерцать дворик, мысленно плыть в этой жаре. Вот и я лениво иду по двору, смотрю на всех, захожу в тёмный холодный коридор. В нём пахнет моим родным домом. Я его нюхаю. Нюхаю свой коридор, как нюхают люди что-то родное, близкое. В коридоре прохладно, очень приятно. Из него как-то по-особому виден солнечный дворик. Ощущая прохладу и видя солнце, становится как-то уютно. Хочется сесть в коридоре и сидеть, сидеть. Нюхать коридорик, родной коридор. Где вы, мой родной коридор, родной дворик, родное солнышко, родные звуки всего этого? Где эта атмосфера, в которой я плавал, медленно плавал? Где этот сон моего детства? Мама, моя милая мама, входит во двор в синей юбке, в синей с цветными полосками кофте. Она у меня стройная, красивая. Самая красивая в мире! Я бегу к ней. Хочется крикнуть: «Мама, мамочка, посмотри, какое солнышко, посмотри, какой день!» А ещё хочется есть.

Мама даёт мне кусок хлеба и большую красную помидорину. Никогда не забуду этого ржаного хлеба и помидора.

Мама даёт на мороженое. Выхожу со двора, перебегаю через дорогу, покупаю за пятнадцать. Не ем. Разворачиваю мороженое во дворе, пусть друзья позавидуют! «Сорок восемь», – говорит приятель по двору. Сорок восемь – значит, половину просим. Даю ему облизать один бочок мороженого. На лице приятеля зависть ко мне. Я облизываюсь, нюхаю мороженое. Запахи мороженого и двора как-то смешиваются, и я рад, я рад, что живу. Моё детство, моё милое детство! Где ты? Где солнце? Смотрю сегодня на солнце, а оно уже другое. Кто тебя подменил?

Как я оказался в доме Заусайлова

Когда в Казань пришла советская власть, то она докатилась и до дома Заусайлова (Баумана, 36). Поэтому гостиничные номера этого дома быстро превратились в большое количество маленьких квартир с площадью шесть квадратных метров. Народ в этом доме жил настолько непривередливый, что обходился одним туалетом с двумя железными ямами и одной колонкой во дворе... на всех! Поэтому туалеты, которые раньше были в гостиничных номерах этого дома, ликвидировали. Теперь здесь жил народ, который состоял в основном из рабочих, было немного интеллигенции, несколько семей военнослужащих и просто служащих. Иметь апартаменты в центре Казани в царской России для простого рабочего было недостижимой мечтой! Теперь рабочий имел свои законные шесть квадратов с высокими потолками и уборной во дворе.

Коридор был обставлен рядами из газовых плит и ручной мойников. Идёшь, бывало, по коридору, сшибаешь воду у каждого соседского ручной мойника. Вода журчит, гремит по металлу, ручной мойники тоже кряхтят... и музыка получается. Я уж не говорю об утренней музыке, к которой добавлялись откровенные сольные партии резонирующего сморкания!

Эти квартиры не были кабинками, так как в них помещался один стол, одна, а порой две кровати и небольшая тумбочка.

ка. И ещё была одна тумбочка в коридоре. Поэтому проживание в таких апартаментах для семей, состоящих из четырёх или пяти человек, было Советским Трюком! Видимо, кубатура выручала?! А может быть, спали плотненько, шеренгой, но не по очереди... уж точно! Возможно, спали не только под столом, но и на столе. Я наблюдал за тем, как шесть человек заходили в квартиру и не выходили! Факт!

Мой отец как-то умудрился получить от филармонии десять квадратов, но когда родилась моя сестрёнка, то мы заняли вдобавок и квартиру соседей, которые переехали в новые хрущёвки Ленинского района. Отец, согласно разрешению райисполкома, пробил стену, и образовалась большая комната! И нам стал завидовать весь коридор коммунальных квартир!

Дядя Миша и тётя Роза

Дядя Миша был одним из старейших жителей нашей коммуналки. Он жил в ней ещё с довоенных времён. Жил один. А когда началась война, то впустил к себе для проживания пожилую женщину с дочерью. Их эвакуировали из Киева. Дядя Миша мне часто рассказывал, как он во время войны ходил на Казанский вокзал, чтобы посмотреть на эвакуированных людей и среди них встретить свою судьбу. И этой судьбой оказалась тётя Роза! Он увидел её на перроне. Она разговаривала с мамой на еврейском языке, то есть на родном языке дяди Миши. Тётя Роза была младше дяди Миши на двадцать пять лет. Она была очень юной и красивой! Когда померла её мать, дядя Миша сделал ей предложение, и они поженились.

Я часто бывал у них. Мама оставляла меня с ними. Своих детей они не имели. Видимо, поэтому они всегда радовались моему приходу. Они говорили между собой только на иврите, но ко мне обращались на русском. Я чувствовал, что они часто были в конфликте и ругались. Ругань она и на иврите ругань, хотя я иврита не понимал.

Они жили скромно. Из всех ценностей, которые у них были, выделялся небольшого размера фосфорный олень, который светился в темноте. А также часы со стеклянным обрамлением, которые небрежно жёстко тикали. Символично!

Ведь время так жестоко! Помню, как дядя Миша часто наре-зал маленькими ломтиками остатки чёрствого ржаного хле-ба, замачивал их в воде, заправленной чесноком и солью... и давал мне ломтик попробовать. Было очень вкусно! И всё-таки в хлебе ещё присутствовало подсолнечное масло! По-том дядя Миша заявлял: «Будешь хорошо себя вести, то ещё получишь!» Поэтому время тикало и измерялось для меня тогда не жёстким ходом часов, а мягкими, аппетитными чес-ночными ломтиками! За вечер, проведённый в гостях у дяди Миши и тёти Розы, мне удавалось съесть шесть, а порой и семь этих волшебных ломтиков ржаного хлеба! Кроме того, дядя Миша всегда обещал свозить меня в Киев, при условии, что я буду хорошо себя вести. Он мне подолгу рассказывал о красоте Киева и о каких-то трамвайчиках, на которых мы будем кататься.

Потом мы с дядей Мишей играли в шашки, которые он сам смастерил. Он у меня всегда выигрывал, а потом громко смеялся. А тётя Роза после смеха почему-то говорила ему: «Дурак!» Кстати, это было единственным словом, которое она произносила в его адрес не на иврите.

Потом я начинал хулиганить, лезть на подоконник, на ко-тором лежало всякое барахло, и они меня возвращали об-ратно к моей маме.

У дяди Миши в сарае была большая арба с железными колёсами. Он в течение недели собирал дровяшки, а потом на этой арбе отвозил дрова своим родственникам. Иногда он

сажал меня на эту арбу и вёз по всему Баумана! Вёз по проезжей части! Это было величественно!

Помню, как дядя Миша подарил мне свою фотографию с надписью: «Рамиль, не забывай меня! Михаил Коган, 1967».

Человек сахарного песка

Это была самая уникальная каморка в моём доме, так как только из неё раздавался металлический звон телефона. Ни у кого в квартирах моей коммуналки телефонов не было! У Мухаммада-абый он был! И это вызывало у жителей дома удивление! Откуда у этого скромного, заштопанного заплатками человека появился телефон? Что за важная личность такая? Кроме того, в квартире Мухаммада-абый висела большая картина с тремя древними китайцами.

Мухаммад-абый был смешным и даже во многом странным человеком. Он даже чая не пил. Весь вечер пил пустой кипяток из своего задрипанного зелёного чайника, закидывая себе в рот сахарный песок. Это надо было видеть! Это было так смешно! Когда сахар поступал в рот Мухаммаду-абый, то мой загадочный сосед делал такую гримасу, которая в сотни раз смешнее гримас комика Пьера Ришара! Движения его были быстрые, дёрганные и неловкие! Что-то всегда падало на столе и со стола. Он часто разговаривал по телефону и в то же время закидывал в рот сахарный песок, а потом резко бросал чайную ложку в сахарницу, тут же хватаясь за карандаш, чиркнув им, резко начинал чесать этим же карандашом под мышкой, потом долго в тишине нюхал карандаш, затем бросал его и сразу захватывал новую порцию сахарного песка, запивая его водой из гранёного стакана. Тя-

жёлая, чёрная телефонная трубка часто вываливалась из-под уха и падала прямо на стакан с кипятком! Мухаммад-абый отлетал, вскрикнув «Шайтан алгыры!»². Он ходил по квартире на босую ногу. Позднее я обнаружил, что и заштопанные свои ботинки он одевает тоже на босую ногу. Никогда не забуду его потрёпанную кожаную папку, из которой всегда торчали какие-то мятые бумаги и целлофановый пакет с сахарным песком. Мухаммад-абый был человеком сахарного песка... и папки. Он её гордо нёс по двору. «Интеллигент, что ли?» – говорил ему вслед алкоголик дядя Ваня. Мухаммад-абый не отвечал, проходя мимо всех с улыбкой! Это был солнечный, улыбчивый и сахарный человек! Ведь я так ни разу и не увидел, как он ел и готовил что-нибудь в коридоре на газовой плите.

Я никогда не мог понять, с кем он живёт. Часто в его квартире жили различные красивые молодые женщины и они тоже ничего на плите не готовили. Мухаммад-абый всегда что-то рассказывал им интересное и они смеялись.

Когда я пошёл в школу, в каморку Мухаммада-абый поселилась квартирантка – студентка медицинского института по имени Эндже, в которую я влюбился. А Мухаммада-абый я больше не видел. Теперь я часто заходил к студентке Эндже якобы решить домашнее задание, а в действительности, чтобы послушать её картавящий голос. Я учился тогда в первом классе. Кстати, дочь свою я назвал Эндже...

² Чёрт возьми! (таг.)

А телефон Мухаммада-абый переехал к нам. Он ещё долго утомлял нас своим металлическим звоном и мы его засунули в шкаф. А мне тогда так хотелось позвонить Мухаммаду-абый, чтобы он опять вернулся в свою каморку и стал смешить всех нас!

Тётя Верба

У газовой плиты больше всех стояла тётя Вера. Помню, как она часто коптила свиные ножки с копытцами... для холодца. Запах пороссячьих копытцев распространялся по всему коридору. Кстати, она из всех соседей оказалась самой доброй, так как за всю мою историю проживания в коммуналке именно от неё я получил горячий пухлый пончик. Он до сих пор аппетитно жуётся в моей душе... в моих сновидениях...

Когда круглолицая тётя Вера как маленький бочонок катилась к плите на своих необыкновенных круглых ногах, я уже знал, что мне сейчас будет очень интересно. Интересно было слушать её рассказы о зимнем лесе, куда она регулярно уезжала ранним утром, забрав с собой широкие охотничьи лыжи. Об обитателях этого леса: зайцах, лосях и даже волках. Говорила она складно, на истинно русском языке. Именно тогда я впервые отметил для себя, что красивую речь можно слушать не только по радио от артиста Ливанова, который часто читал рассказы Пришвина о природе и животных, но и у газовой плиты, от простой соседки тёти Веры. Когда она начинала рассказывать, то вся её простота куда-то исчезала, и она превращалась для меня в сказочную героиню своих необыкновенных рассказов. Много рассказывала мне о жизни деревьев, об их душе и характере. И в эти мгновения мне казалось, что она сама превращает-

ся в доброе и толстое дерево, которое двигает своими ветками-руками, чтобы не обжечься от огня, палящего... поросычьи копытца. Передо мной возникали образы разных животных со своими повадками. Уже повзрослев, читая книги по зоопсихологии, я понял, что тётя Вера ничего не выдумывала. Особенно о пении птичек и о том, почему они так поют. Более того, я понял, что её рассказы, их стиль и манера ничуть не уступали по своей красоте рассказам Пришвина, Шукшина, Астафьева... вместе взятых. Быть бы ей писателем, но, увы, тётю Вере приходилось выживать и кормить мужа-алкоголика дядю Ваню, сына-паразита Вовку, дочь-инвалида Валю. Поэтому тётю Веру можно было часто встретить на площади Куйбышева продающей ландыши, подснежники, ветки вербы, ели... Когда она с гордостью несла полную корзину подснежников по узкому коридору нашей коммуналки, я уж точно знал, что эта корзина из сказки «Двенадцать месяцев». Захаживала она со своими дарами природы на Центральный колхозный рынок, тот, что на Кирова. Калина, брусника, земляника, черника... лежали всегда рядом у её круглых ног.

Я часто оговаривался и называл её тётей Вербой. И сейчас, когда во время лыжной прогулки я наслаждаюсь красотой бриллиантового меха бутонов вербы, ко мне приходит дух тётю Вербы... моего детства.

Рыбаки Бакуркины

Уже тогда, когда на Волге и Казанке начинался ледоход, братья Бакуркины, которые жили в конце коридора нашей коммунальной квартиры, с раннего утра с большими сачками шли на берег Казанки, в район прибрежного ресторана «Парус». Один из Бакуркиных, дядя Боря, имел сына Серёжку, который был младше меня на один год. Того самого Серёжку Бакуркина, который в одном из моих рассказов нарисовал здание университета на бумаге из-под селёдки. Видимо, эта бумага пахла тогда не селёдкой, а лещами и иной речной рыбой, которые ловились Бакуркиными. Серёжка ещё спал, когда его отец и дядя уходили на рыбалку. Проснувшись, он умывался водой из железной кружки, которую экономно выливали ему на ладони его бабуля. Она взяла Серёжку на воспитание сразу же после смерти его матери, которая умерла во время родов. Воспитывала строго, как домомучительница из свежеиспечённого мультфильма «Малыш и Карлсон», который мне впервые удалось посмотреть в волшебном-красочном и сказочном автобусе «Колобок». Её звали тётя Зоя. Тётя Зоя давала Серёжке команды, и он их выполнял. Помню его вечную недовольную гримасу и тяжёлый вздох. Бакуркины жили вчетвером на пяти квадратных метрах. Жили как рыбы в бочке, в которую приносили свой улов. В их каморке всегда плотно пахло рыбой! Помню, как

в дальнем углу их квартирки стоял большущий радиоприёмник, который ловил все города мира. Находясь в коридоре, я часто слышал голос какого-нибудь иностранного диктора. Никто его не понимал, но Дух далёких стран приходил в каморку рыбаков Бакуркиных и Серёжка с гордостью крутил ручку радиоприёмника.

Позавтракав, Серёжка стучался ко мне. Звал меня пойти на берег Казанки посмотреть на улов отца и дяди. От Серёжки пахло жареной рыбой, которую он поел на завтрак. Он здоровался со мной за руки, и мои руки также начинали пахнуть этой рыбой. Иногда Серёжка мастерил какую-нибудь самодельную мормышку. Делал её искусно. Забивал в палочку два гвоздя, наматывал на них леску и грузило, которые покупал в магазине «Рыболов-охотник» на улице Островского, привязывал крючок... и орудие рыбака готово!

Солнце светило в глаза, и мы медленно шли по Булаку на берег Казанки. Проходили мимо цирка. Серёжка ругался, что бабуля так и не сводила его в цирк, дескать, дорого, это ж не в кино сходить в «Пионер» за десять копеек. Но ничего! Рыбалка покруче цирка будет! И действительно, придя на берег Казанки, мы оживали! Смотрели за удачным уловом! Помню, как весной чаще ловились окуни. Приходило чувство голода, и прибрежный ресторан «Парус» начинал меня раздражать веянием своих вкусных запахов, и так хотелось пожарить этих окуней и съесть их. И мы бежали с Серёжкой в наш коридор коммуналки к газовым плитам, на которых

сами коптили окуней! Ели их и всегда соли не хватало!

А уже летом рыбаки Бакуркины уходили в плавание на своей деревянной лодке. Поздним вечером привозили рыбу в наш двор на Баумана и продавали её. Все коридоры трёхэтажного нашего дома скрипели звуками свирепствующего маргарина, в котором томились волжские лещи и подлещики! Это был не просто запах жареной рыбы, это была катастрофа рыбной революции! Весь дом жарил рыбу. Жарил её, на ночь глядя! Наевшись рыбой Бакуркиных, жители нашей коммуналки отходили ко сну!

Серёжка Бакуркин был моим самым лучшим другом! И как бы мне ни рассказывали о нём некоторые, что он вырос и стал преступником-рецидивистом и родной отец его за это уничтожил, для меня Серёжка будет навсегда символом дружбы и детского счастья.

Как над Спасской башней летал змей

Генка жил в самом конце нашего коридора коммунальных квартир. Он был старше меня лет на шесть. Помню, как зимними вечерами он часто сидел у двери своей квартиры и не заходил домой. То ли его туда не пускал буянящий отец-алкоголик, то ли он сам не хотел заходить. Увидев меня, он звал к себе и просил, чтобы я прихватил какую-нибудь книжку. Читать я тогда не умел, но у меня дома были сказки. И я с радостью бежал домой за книжкой и маленьким деревянным стульчиком с нарисованными на нём тремя кошками. Садился рядом с Генкой. Он начинал громко читать вслух своим подростковым басом сказки о Змее Горыныче. Коридор оживал! Тётя Вера, которая обжаривала свиные копытца на газовой плите, задерживалась и слушала Генку. Даже дядя Миша стоял у своего рукомоЙника так долго, что его супруга тётя Роза начинала громко кричать по-еврейски, чтобы он не опаздывал к ужину. Генка обещал мне, что весной обязательно возьмёт меня на крышу дома, откуда мы будем пускать в небо большого змея, который будет интереснее, чем Змей Горыныч из сказки! Эти морозные вечера чтения были незабываемы.

Помню, как долго я гадал и не мог определить день, который будет называться весенним! Один раз напомнил Генке о змее, но он сказал, что весна ещё не наступила, хотя я хо-

рошо помню, как было тепло и светило солнце. Он оказался прав, и через несколько дней ударили сильные морозы!

И всё-таки весна наступила, несмотря на то что я стал сомневаться в этом и даже спросил у отца, дескать, вдруг весны не будет?! Вот как я мечтал о змее, который мы должны были запускать с крыши домов на Баумана!

Наконец Генка подошёл ко мне, держа в руках газету, и я по слогам прочитал вслух то, что было на ней написано толстыми буквами: «ПРАВ-ДА». «Вот змей!» – говорит Генка. «Какой же это змей? Это обыкновенная газета!» – обиделся я. Генка рассмеялся. Потом мы пошли к дворовой столярке, нашли кусок фанеры и отодрали от неё тоненькие пластиночки-реечки. Сели за доминошный дворовый столик. Генка вытащил из кармана четвертинку чёрствого ржаного хлеба и попросил меня, чтобы я сбегал к колонке и помочил водой этот кусок. И вот мы по фанерным пластиночкам размазываем, как клей, мочёный хлеб! Раскладываем газету. Она большая! Соизмеримая с моим ростом! Сначала наклеили фанерки крест-накрест по диагоналям газеты. Потом по краям. Углы закрепили чёрными крепкими нитками. Так газета приобрела свой каркас и уже не капризничала под весенним ветром, задираясь на все четыре стороны. Газета теперь лежала смирно, хотя осталась по-прежнему лёгкой! Генка как тетиву лука согнул фанеру одного края газеты и зафиксировал эту вогнутость нитью. Сходили за банной мочалкой и сделали из неё хвост, привязали его с краёв другой части га-

зеты. Генка из кармана вытащил большую катушку чёрных ниток, привязал её к фанере и с радостью сказал: «Змей готов!»

Ура! Мы идём на чердак нашего дома! И я с гордостью несу этого прекрасного «правдашного» змея!

Чердак тоже оказался для меня открытием! Привидений, которыми нас пугали родители, чтобы мы, дети, туда не лазили, не оказалось. Я стою на крыше и наслаждаюсь красотой города и Спасской башни. В руках у меня змей. Генка удаляется от меня, разворачивая нить. Просит меня бежать за ним. Я чувствую, как змей просится в небо! Генка кричит: «Отпускай его!» и змей медленно и величественно поднимается в небо! Дух захватывает! То, что только недавно было в руках, то, что только недавно было обыкновенной газетой, превратилось в летающее чудо! А змей поднимается всё выше и выше. Он идёт и сдувается в сторону Спасской башни, и я вижу, как наш змей начинает дотрагиваться до золотой звезды Спасской башни. Змей как бы чешется об острие этой пятиконечной звезды. Генка сияет и подёргивает нить. Я подхожу к Генке и он мне даёт подержать змея. Я на небесах!

Когда змей поднялся высоко над Спасской башней, Генка снял с себя пионерский галстук и посадил его на нить, уходящую к змею. И произошло ещё одно чудо! Галстук медленно, как на лифте начал подниматься к змею. Он всё дальше и дальше уходил от нас и через некоторое время превра-

тился в крохотный красный лоскуток! Он почти подобрался к нашему змею. Потом Генка резко тряхнул нить и галстук полетел вниз. Это тоже было величественно! Пионерский галстук очень красиво планировал. И мы были удивлены, когда увидели, что он спланировал на звезду Спасской башни. Галстук некоторое время полежал на звезде и ветром был сдут в сторону Исторического музея. Генка не переживал, приговаривая, что на следующей неделе вступает в комсомол и пионерский галстук уже не понадобится. А галстук тем временем упал на крышу мужского монастыря. Я смотрел на него, и так хотелось, чтобы этот День Воздушного Змея не прекращался!

Одинокие старушки моего двора

Немало их было. Одна из них жила по соседству с нами. Часто грела на газовой плите кастрюлю с речным песком. Тогда, будучи мальчишкой, я не понимал, зачем она это делает, но точно знал, что она не ест этот речной песок. Каким-то внутренним чутьём я догадывался, что это от страданий. Гудение её голоса и молитв я часто слышал по утрам сквозь стену.

А ещё я помню, как на столе у одной из этих бабушек стояли два гранёных стакана с водой. В одном из них лежали на дне красные дёсны с зубами. А из другого на меня смотрел утонувший шарик... глаз! Он был голубым и иногда смотрел в окно на голубое небо, и от отражения в себе неба становился ещё голубее... Рядом с этими гранёными стаканами всегда соседствовала небольшая тарелочка с косточками от урюка. Владелица этого глаза мне часто от чистого сердца и некоей доброты давала эти косточки, чтобы я их расколол и поел мямишки-зёрнышки, а мне тогда так хотелось сам урюк поесть. Она выпроваживала меня из своей каморки и начинала молиться, перебирая чётки из отполированных финиковых зёрнышек. Что-то про себя бормотала, поглядывая в книжечку с непонятными знаками.

Некоторые одинокие старушки моего двора набирались воли и совершали подвиг: преодолев множество лестниц и

ступенек, они появлялись во дворе... на лавочке. И всё-таки большинство из них не покидали своих квартир. Некоторые наши соседи помогали им выносить горшки. Несмотря на это из дверей этих бабушек веяло не только запахом горшков, но и безысходностью жизни и её концом. Заметил, что всегда перед этим концом появлялись какие-то шустрые молодые девушки-опекуны, чаще всего медсёстры по профессии. Они смотрели за старушками. После похорон начинали жить в их оставшихся квартирах. Как-то подслушал, что у одной старушки была пенсия семнадцать рублей.

Сидит, бывало, на солнышке какая-нибудь одинокая бабушка, молчит, глаза мокрые, мутные и такая жалость возникает... Помню, как одна старушка мне, пятилетнему мальчику, сказала, что, дескать, тоже будешь в старости таким же и у меня тогда потемнело в глазах. А в глазах самой старушки я увидел некую злость и зависть...

Я убежал со страха! Прибежал на берег Булака и долго с моста смотрел на воду... Вернулся во двор. Эта бабушка по-прежнему сидела... видимо, в ожидании какого-нибудь соседа, чтобы дать ему пятнадцать копеек на хлеб. За хлебом ходил я сам! И столько было радости, когда бабушка немножко улыбнулась... Немножко... Сейчас пишу эти строки, а жалости к ним, к старушкам шестидесятых, не убавилось. Эта жалость, видимо, так и останется со мной на всю жизнь...

Деревянные сараи дворов нашего детства

Мало кто вспоминает, что у многих казанцев, кроме коммунальной квартиры, были сараи! Их ещё называли сарайками. В моём дворе на Баумана эти сарайки занимали аж два этажа! Это была своеобразная деревянная постройка, напоминающая двухъярусный теплоход! В нём была деревянная палуба, деревянный борт и деревянные каюты без окон, но с дверями, на которых висели откровенно-мощные замки. Наш сарай располагался на втором этаже. В нём было всегда прохладно. В жаркие ночи мы иногда в нём даже спали. Более того, сарай нас выручал и тогда, когда гостям не хватало места для ночлега. А наш сосед дядя Ваня, который никогда не просыхал от водки, только там и жил. Жил на первом этаже сарая. Его жена тётя Зоя никогда не впускала его домой. Даже зимой он жил в коридоре коммуналки.

Наш сарай, как и все сараи России, был набит всяким бахламом и вещами, которым не досталось места в тесной коммунальной квартире. Вон валяются какие-то старые журналы, висит старое военное драповое пальто отца. Вижу в углу свою детскую коляску цвета сгущённого молока, фотоувеличитель, множество банок. На стене – филармоническая афиша моего папы. Лежат ящики, забытые какими-то вещами, которые могут пригодиться! Кстати, коляска моим родите-

лям больше не пригодилась. Мы с сестрёнкой Гузьяль нашу коляску видели в сарае ещё несколько лет.

Когда родители шли в сарай, мы с сестрёнкой обязательно следовали за ними. Несмотря на то что мы были маленькими, в сарае у нас появлялась большая ностальгия по прошлому. Поэтому сестрёнка залезала в коляску и заставляла маму покачать.

Просыпаешься летом в сарае. Солнце пробивается сквозь щели. Наблюдаешь за тем, как эти лучики перемещаются по стене, и ждёшь, когда они скользнут к тебе на одеяло. Вдыхаешь воздух сарая, наполненного опьяняющим запахом дерева! Незабываемые мгновения! Но счастью всегда приходит конец!

Помню, как сносили мой сарай. Он сложился как карточный домик за несколько минут! Это была картина ярче крушения теплохода «Титаник». Помню, как из-под обломков стал вылезать пьяный дядя Ваня! Это был воскресший феникс дворово-бауманского и водочного разлива! Сарай растащили на дрова жители окрестных дворов улицы Баумана и Чернышевского, у которых не было газового отопления.

Старьёвщик на лошади с телегой приехал!..

Лошадь, запряжённая в телегу с болтающимися в разные стороны деревянными колёсами, медленно и величественно входила в казанские дворы. Эту величественность лошадь излучала не только благодаря своей красивой природе, но и эскорту детишек, которые так же медленно шли за ней. В моём дворе увидеть лошадь было не в диковинку, так как каждое раннее утро у парадного входа во двор стояла лошадь Бурка, в телегу которой загружали ящики с вином. Ведь в подвале моего дома были мощные винные склады. Бурка развозила и снабжала вином многие винные магазины центральной части Казани. Часто она стояла на жаре с зашоренными глазами и фыркала, передёргивая кожу вдоль своих торчащих рёбер. Я подходил к ней, и мне так хотелось приоткрыть шоры, чтобы она увидела мир, но мои попытки сделать это были безуспешными. Кучер сразу кричал мне:

– Эй! Не мешай ей! Она думает!

– О чём? – спрашивал я.

– О светлом будущем!

– Это как?

– О коммунизме! Когда будет много бесплатного вина! – кучер громко смеялся, а я грустный уходил от Бурки к себе во двор.

Позднее мы, детишки, узнали, что это не совсем лошадь, когда из неё вышло солидное приложение к её телу.

А сейчас во двор вошла неведомая мне лошадь. Она была более упитанная! Не бурая, почти красная... с отливом! Глаза ей не зашоривали, так как шоры для глаз отсутствовали. Когда я увидел глаза лошади, то восприятие её величественности как-то во мне поубавилось. Я увидел грустные, мутные и усталые глаза! Усыпанный веснушками, рыжий, потный и загорелый старьёвщик тоже был усталым и грустным. Почти засыпал... Зато наш двор вдруг резко ожил! Он наполнился каким-то весёлым шумом и суетой. Оно и понятно, ведь во двор въехал старьёвщик со своей телегой, наполненной игрушками, вещицами и даже с ещё не надутыми воздушными шариками, которые можно будет обменять на ненужную старую одежду или вещи. И действительно, в тележке я разглядел большущий деревянный чемодан с множеством деревянных секторов. В них лежали различные вещи, безделушки и игрушечки: свистульки, резиновые разноцветные шарики, напёрстки, маленькие куколки, пистолетики, пистоны в бумажной пачке, детские совочки и формочки для кулёчков, куски дегтярного мыла, пачки дрожжей, чайной соды и даже чернильные ручки... Подошла тётя Вера со своей душевнобольной доченькой-инвалидом по имени Люба, держа в руках несколько старых рубашек и старое, увесистое, чёрное драповое пальто. Подошла и долго разглядывала содержимое чемодана. Остановилась на свистульках. Это стоило ей

одного драпового пальто. Отдала свистульку дочери, которая сразу же взяла её в рот и начала без остановки свистеть. Люба свистела так долго и пронзительно, что мать выхватила эту свистульку у неё изо рта. В ответ Люба так сильно пнула маму, что сразу же схлопотала ответный удар по лицу. Люба часто получала по лицу от своей матери... Из-за испорченного настроения мама Любы обменяла рубашки на воздушные шары и быстро удалилась. Подбежал мой приятель Вовка с каким-то костюмом в руках, отдал его старьёвщику и получил красную металлическую свистульку... да не тут-то было!.. Тут же подбежала Вовкина мама, забрала обратно костюм у старьёвщика, вырвала свистульку изо рта Вовы и врезала ему в подзатыльник, крикнув на весь двор: «Ты что творишь?!»

Уже через полчаса на телеге старьёвщика лежала большая куча старого белья и небольшая кучка старых и изношенных туфель и ботинок. Старьёвщик предложил мне и Вовке прокатиться. Мы забрались на тележку и с гордостью выехали на Баумана. Лошадь настолько быстро поскакала, что мы испугались... а не увезёт ли меня с Вовкой старьёвщик куда-нибудь? Мы закричали, и старьёвщик высадил нас у Никольской церкви, дав каждому по свистулке. Свистя по всему Баумана, мы вернулись во двор, который только недавно выпотрошил все свои тряпки и барахло и остался... со свистулками. И ещё до позднего вечера доносился свист из некоторых коммуналок моего любимого двора.

Наша дворовая собака Альма

Пожалуй, в каждом дворике Казани жила какая-нибудь ничейная собака, которую любил весь двор. Вот и в моём дворе жила собака по кличке Альма. Это была рыжая, хвостатая, с красивыми и выразительными глазами собака, напоминавшая мне лису, у которой на чуточку лишнего отросли лапки. Она никогда тупо и упрямо не лаяла, лишь мудро молчала и всматривалась своими добрыми глазами в жителей коммуналок. Ну разве можно было, встретившись с Альмой глазами, просто пройти мимо... всегда хотелось сразу же её погладить и принести для неё из дома что-нибудь съестное. У неё во дворе был свой уголок. Она уходила спать в коридор одного из домов нашего двора. Там же у неё всегда стояла металлическая миска с супом. Соседи постоянно подливали ей супа. И я тоже, когда выходил во двор с большим куском булки с маслом, посыпанным сверху сахарным песком, отламывал ей немного, и она тут же проглатывала моё угощение. Альма на еду была непривередливая, и даже когда на моей булке не было масла, а блестел лишь мочёный водой сахарный песок, то тоже быстро съедала моё жертвоприношение. Но больше всего она любила, когда тётя Нюра со второго этажа приносила ей твёрдые кусочки нарезанного сала. И сало как-то по-особенному хрустело в зубах Альмы. Этот хруст меня всегда радовал! А может, я просто радовал-

ся удовольствием Альмы и хруст воспринимался мною барабанным гимном счастья!

Альма частенько щенилась, так как к ней во дворик иногда заглядывали поестействовать собаки из других дворов. Она же была красавица и нравилась многим собакам! Как-то во двор забрела некая коротконогая дворняга и её попытки сойтись с Альмой не удались! Росточком не вышла!

Когда Альма щенилась, то рождались почему-то всегда чёрные кутята. Их быстро разбирали взрослые и дети. Никогда не забуду, как на помойке лежали новорождённые кутята, которые были не от Альмы, а от соседской собаки. У щенков Альмы такой судьбы никогда не было.

Альма всегда любила находиться там, где собиралась группа людей. И всегда шла в эти группы: к обувщикам или портным во время обеденного перерыва, или к столярам. Они обдували её табачным дымом, и ей это нравилось! Все смотрели на её женственную красоту, и Альма, как бы чувствуя это... кокетничала.

В один из серых осенних дней я обнаружил во дворе капли крови. Они были везде, по всему двору. Сердце моё сильно забилося, и я стал искать Альму. Искал долго... а когда нашёл её, то не было предела моей радости, что она жива!

Кровь во дворе была от Альмы. Наша всеми любимая собака была ранена собачниками, от которых ей удалось убежать. Рассказывали, что собачники приезжали на отлов собак рано утром. Ни в чём не повинная Альма спала в своём

уголке и вдруг резко была разбужена вторжением собачников. В узком коридоре завязалась схватка, и Альме удалось выскочить из коридора через запасной выход.

Альма ещё долго ходила и мазала своим кровотечением наш двор и медленно угасала. Я видел, что она ничего не ест. Миска с супом оставалась нетронутой. В какой-то момент я обнаружил, что Альма исчезла со двора. Исчезла навсегда...

Под одеялом лета

Проснуться тёплым солнечным утром, быстро встать и сразу же выйти в мой дворик на Баумана, как в некое продолжение внутреннего уюта моего дома, почувствовать атмосферу единения дома и двора можно только летом. В остальные времена года это невозможно! Нужно одеваться, чтобы не замёрзнуть. А летом двор и дом накрываются единым тёплым одеялом, и между ними нет резкого перехода. Граница между атмосферой квартиры и улицы как-то размывается и Весь Мир превращается в Единый Общий Дом! Это чувствует дядя Ваня, который спит на улице, на траве палисадника. Спит как всегда с улыбкой на лице. Спит, дорабатывая в своём мозгу молекулы вечерней водки. Иногда просыпается, чтобы промочить водой горло из голубоватой, поллитровой бутылочки из-под кефира. Бутылочку рядом с ним положила ему жена тётя Вера, та, что тётя Верба, о которой уже рассказывалось. Дядя Ваня красный такой, счастливый! Проспал всю ночь на тёплой траве, на тёплой земле. А земля действительно под вечер хорошо прогрелась. Более того, дядя Ваня всегда знал, куда лучше лечь. Он выбирал место, где меньше было тени, где больше тёплого дыхания земли. Ближе к осени сосед Салих-абый доверял дяде Ване бумажную коробку из-под своего нового телевизора. Салих-абый эту коробку хранил у себя, рядом со своей дверью, а ночью

выдавал её дяде Ване. Дядя Ваня расстилал эту бумажную раскладушку с каким-то трепетом ожидания шикарного сна и разваливался на ней. Рядом проходили пьяные мужики-соседи, смотрели на дядю Ваню и завидовали ему! Один из соседей, распив с дядей Ваней бутылку водки, даже пытался как-то прилечь рядом с ним, но дядя Ваня его прогнал, дескать, иди спать домой... с женой! Только дяде Ване было разрешено спать на тёплой, исторической земле старинной Казани. И он этим гордился... и поэтому спал с улыбкой на лице!

Перед сном дядя Ваня смотрел на звёзды. Казанское небо в шестидесятых годах было усыпано множеством звёзд, так как ничто не мешало этому, никакой городской свет. Дядя Ваня долго смотрел своими пьяными глазами на Вселенную, ограниченную казанским куполом неба... и уже никто в этот миг не мог соблазнить его на водку. Если дядя Ваня смотрит на ночное звёздное небо, то собутыльники уже опоздали! Дядя Ваня уже ни за что с ними не выпьет, так как в душу его уже вошло Нечто, не совместимое с водкой.

Ну разве сравнима Вселенная с водкой?!

Лежащий на земле дядя Ваня был живым памятником единения улицы и дома. Своим лежанием он как бы обозначал отсутствие разницы между квартирками, куда уходят люди, и улицей. И многим становилось уютнее в этом мире от того, что исчезал страх оказаться на улице, без квартиры и места проживания. Дядя Ваня был живой рекламой бомже-

вой эстетики жизни! И эта реклама срабатывала. В бомжи уходили некоторые мои соседи... особенно летом, но ближе к зиме возвращались. Дядя Ваня бомжом не был. У него была квартира... аж пять квадратных метров, в которой жили шесть человек.

Ближе к осени дядя Ваня перебирался из палисадника к себе в сарай, а уже зимой его жена разрешала лежать ему в коридоре нашей коммуналки. В коридоре было тепло от газовых конфорок. Дядя Ваня лежал, нюхая чужие щи, охраняя сложенную бумажную коробку из-под телевизора, мечтая о лете...

Можно к вам на телевизор?

Да, именно этот вопрос я часто слышал вечером от своих соседей. Помню, как из десяти квартир нашей коммуналки на Баумана телевизор имели только мы. И я гордился этим. Он появился у нас в 1964 году, но по памяти я его помню только с 1965-го, то есть тогда, когда мне было три года. Я увидел в телевизоре какие-то движения непонятного существа и сильно испугался! Уже через несколько лет, когда научился читать, узнал, что наш телевизор именуется «Старт-3».

Ещё помню многих наших соседей, сидящих у нас дома на своих собственных стульях. Иногда я засыпал на стуле, а мой диван был занят зрителями и меня уносили спать в чужую квартиру. Соседи смотрели «Голубой огонёк» с космонавтами, одетыми в военную форму... и почему-то без скафандров...

Немного повзрослев, смотрел КВН. Ничего не понимал, но смотрел. Помню лысого дяденьку, ведущего «Клуб кинопутешественников». Помню молодого и энергичного диктора татарского телевидения Рустама Набиуллина. Не забуду, как весь двор смотрел фильм «Весёлые ребята». Врезалась в память картинка, когда диктор сказала о гибели космонавта Комарова. Потом во дворе то и дело повторяли: «Полёт идёт нормально! Спускаемся хорошо! Самочувствие отличное!..

Открыли люк, а все мёртвые!»

Помню, как спросил папу о том, идёт ли сейчас где-нибудь война. И папа ответил, что она началась во Вьетнаме. А уже через некоторое время отец подвёл меня к телевизору, дескать, вот эта война! Возникли первые страхи от американцев, но они через несколько лет были сняты посещением выставки «Исследования и разработки США», проходившей рядом с Центральным стадионом.

Ещё помню, как все школьники нашего двора, которые ходили в хор школы № 1, что на Булаке, бежали смотреть себя по телевизору. Я узнавал многих на телеэкране и показывал пальцем. Хором дирижировал наш учитель пения Герман Георгиевич. Это был низкорослый, хромой на одну ногу мужчина с сочным, певческим баритоном и «ёжиком» на голове... Очень талантливый и известный музыкант нашего города! Живое профессиональное пение я услышал впервые именно от него.

Себя же по телевизору я увидел лишь только в седьмом классе. Это была лаборатория телевидения КАИ. Удивился! Как будто заново познакомился с собой! Всё-таки зеркало показывает нечто иное... Нет, телевизор – это не зеркало! Это окно нашей жизни! И увидеть себя в окне – это нечто иное, чем увидеть себя в зеркале.

Если бы мне, пятилетнему мальчику, сказали тогда, что моя жизнь будет связана с тем, что мне придётся бывать в этом окне, то я бы сильно удивился...

Нет уже моих соседей тёти Розы, нет дяди Миши, нет тёти Кати, нет уже и Мухаммада-абый, но их вежливый и добрый вопрос: «Можно к вам на телевизор?» всегда будет звучать во мне!

Казанские короли деревянных самокатов

В моём дворике на Баумана никто не имел велосипедов. Помню только, как к моему однокласснику Саше должна была приехать мама из далёкого северного Архангельска. И весь наш двор знал, что мама купит Сашке двухколёсный велосипед. Сашку воспитывала бабуля, так как его мама вышла замуж за дядю Геру и уехала на Север. Этот дядя Гера и обещал Сашке купить велосипед... и не какой-нибудь «Ветерок», а «Школьник». Я знал, что такой велосипед дорогой и стоит аж двадцать девять рублей и восемьдесят копеек! Таких денег в нашем дворе мало у кого водилось для подобного подарка. Зато у многих мальчиков были деревянные самокаты на больших железных подшипниках. Поэтому они были уже не мальчики, а пацаны! Пусть мальчики катаются на своих дорогих и тихих «Школьниках», а пацаны будут кататься на громких деревянных самокатах! И действительно, эти самокаты громко гудели по Чернышевского, когда катились вниз к Булаку. Это был особый звук. Это был звук взаимодействия металла единственного в СССР Московского подшипникового завода и казанского асфальта! Это был звук демонстрации пацаном своей силы и власти над прохожими улиц Баумана и Чернышевского. Самокат шумел настолько громко, что на другом конце Баумана можно было его услы-

шать! А если двигалась группа пацанов на таких деревянных самокатах, то это уже был музыкальный квинтет или квартет металла и асфальта! Это было так величественно! Это была особая музыка... моего детства!

Казалось бы, деревянный самокат был прост! Две досочки и два подшипника! И папа обещал мне его сколотить! Но у нас не было подшипников. А где их взять? А другие папы и мамы откуда-то доставали подшипники. Поэтому мне оставалось только завидовать пацанам с деревянно-подшипниковыми самокатами... А тут ещё Сашка, которому купили настоящий велосипед.

Сашка вышел во двор со своим новым велосипедом. Пацаны нашего двора окружили его со своими деревянными самокатами. Была пауза... зависти. Потом вздохи... тоже зависти... и пацаны пошли кататься на Баумана. Сашка остался один со своим велосипедом. Он не выглядел королём. Катался один... И порой я видел в его глазах зависть к королям деревянных самокатов...

У окна

Я всегда завидовал соседям по коммуналке, жившим этажом выше, не говоря уже о тех, которые жили аж на третьем этаже! Как-то поднялся к Витьке с третьего этажа, чтобы позвать его погулять во дворе. Он сидел за большим круглым столом и чайной ложкой уплетал сгущённое молоко, запивая его водой из большого гранёного стакана. Точно так же, как Игорь со второго этажа. Правда, Игорь не впускал меня к себе домой, но зато подходил к порогу квартиры с банкой сгущёнки. Он давал мне её немного попробовать... Витька же, наоборот, заводил меня в комнату, сажал рядом с собой за стол и начинал наслаждаться не только сгущёнкой, но и тем, как я завидно смотрю на то, как он её пожирает. Прежде чем запустить сгущёнку в рот, Витька разглядывал это сладкое молочное чудо, сопровождая вздохами предвкушения. Затем, когда сгущёнка оказывалась во рту, Витька начинал ойкать, воспевая тем самым пожираемое. Надеяться на то, что он сжалится и угостит меня, было бесполезно! Поэтому я отходил от стола к окну и наслаждался видами своего родного города. Смотрел на купола Никольской церкви, на Спасскую башню, на гостиницу «Казань», на казанское небо. Ведь из своей коммуналки, с первого этажа, окна которой выходили во двор, я видел только часть двора, часть дома напротив и маленький кусочек неба. У Витьки же неба бы-

ло много, но он его почему-то не видел, а смотрел только на свою сгущёнку.

Позднее, уже учась в первом классе, я сделал для себя открытие, что первый этаж, на котором я жил, ещё не самый низ Казани. Оказывается, по улице Чернышевского многие живут в подвальных этажах. Там жил мой одноклассник Валерка. Он сгущёнку с водой не ел, но любил хрустеть кукурузными палочками, предварительно макая их в молоко. Это были необыкновенные кукурузные палочки, щедро сдобренные сахарной пудрой, и целая мощная пачка стоила всего-то двадцать восемь копеек, в отличие от банки сгущёнки за шестьдесят одну копейку. И Валерка был щедрым! Мы подолгу ели эти чудные палочки, макая их в молоко. Валерка ставил всегда тарелку с молоком на подоконнике, вытаскивал из шкафа пачку кукурузных палочек, оставленных ему мамой. Мы смотрели в окно и молча хрустели.

Квартира Валерки располагалась на подвальном этаже дома. Окна выходили на Чернышевского. Хотя какая разница, на какую улицу выходили окна Валерки? Ведь в них были видны только стопы прохожих. Только летающая обувь казанцев! Вот у одноклассницы Ленки, которая тоже жила на подвальном этаже, в окне были видны ноги, аж до коленок! А у Валерки в окне летали только стопы, заправленные в различную обувь. И каких только ботинок, сапог и туфель мы не видели с Валеркой под хруст и таяние во рту кукурузных палочек! Эти полёты обуви в окне до сих пор в моей памяти.

Валерка мог по обуви, смотря в своё окно, определять, кто из прохожих из его двора, а кто чужак. «Тётя Галя прошла, дядя Наиль пьяный идёт... ой, мама сейчас придёт», – комментировал Валерка. И действительно, через некоторое время приходила мама Валерки, а значит, мне нужно было покидать это чудесное окно с летающими в нём стопами жителей моего родного города...

О том, как Снежная королева посещала мой дворик

Как-то зимним вечером мама читала мне сказку Андерсена «Снежная королева». И вдруг начался нервирующий вой зимнего ветра, сильно давящего на оконные рамы. Мама прекратила читать и подошла к подоконнику для того, чтобы проверить, насколько хорошо задвинуты шпингалеты и утеплены окна нашей квартиры. Я испугался и спросил у мамы: «Не Снежная ли королева это так протяжно воеет?» Ведь вой больше был похож на стон какой-то женщины, чем мужчины. Мама успокоила меня и перестала читать сказку, чтобы я не зарывался в своём страхе. Но было поздно! Я уже весь горел в азарте узнать, чем закончится эта сказка и просил маму продолжать чтение! Мама читала дальше, а я в это время подходил к окну и вглядывался в него, зная, что, согласно сказке, Снежная королева заглядывает в окна к некоторым мальчикам. Я хотел увидеть эту Снежную королеву. Страх, конечно, был, но любопытство побеждало! И я подолгу стоял у окна и всматривался в него, чтобы увидеть существо, которое так воеет! Мама же не говорила мне, чтобы я отошёл от окна, а значит, ничего страшного нет! Я знал, что за окном находится наш цветочный сад, засыпанный снегом. Ведь всего лишь несколько недель назад мы с мамой собирали в этом саду осенне-жёлтый гербарий для детсадовско-

го задания. Кроме того, в ночное окно я видел промёрзшую родную рябинушку. Она качалась на сильном ветру. Гибкая была, а значит, живучая. И всё-таки вой упрямо не прекращался, как бы доказывая, что не стоит Его так игнорировать! Раз вой есть, значит, воеет Кто-то. Кто же это? Ветер же сам по себе выть не может! Его же кто-то выдувает из Себя?! Если не Снежная королева, то Кто? Уверен, что если спросить у моих читателей, откуда берётся Ветер, то большинство не смогут ответить, Кто или Что его выдувает. Поэтому я стоял и вслушивался в этот вой. Я узнал, что к Виталию из соседнего дома вой вечером вообще не приходил! А ко мне приходил! А в сказке Андерсена сказано, что Снежная королева приходила лишь к некоторым мальчикам. Значит, она выбрала меня, а не Виталия? Утром я узнал, что и у Сашки тоже не было воя! Я ходил в соседние дворы на Баумана и спрашивал о вое у других мальчиков. Никто из них в прошлый вечер ничего не слышал. А вот одна девочка слышала. Она тоже читала сказку «Снежная королева» и сказала, что у неё есть брат, который старше её на один год, дескать, может быть, к нему прилетала Снежная королева и завывала, ведь он стал таким злым, непослушным и упрямым. Она была уверена, что ему льдинка в глаз попала. А глаза ведь это часть нашей души. Значит, льдинка попала в душу её брата. Девочка мне сказала, что скоро растопит эту льдинку и брат будет обязательно хорошим! Более того, она была уверена, что есть такие волшебные слова, которые могут растопить

холод и лёд в душе человека! Эти слова ей обещал дать дяденька в чёрной рясе, который работал в Никольской церкви, располагавшейся напротив девочкиного двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.